

УДК 82-92

DOI: 10.17223/19986645/73/13

Н.Е. Никонова, М. Абудуваили

ОБРАЗЫ ЯПОНИИ В ПЕРИОДИКЕ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ РУБЕЖА XIX–XX вв.: ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ

Представлен анализ связанных с Японией мотивов, выразившихся в переводных публикациях на страницах периодических изданий Сибири и Юго-Западного края рубежа XIX–XX вв. («Киевлянин», «Одесские новости», «Южное обозрение», «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь» и «Сибирский наблюдатель»). В результате сделан вывод, что в переводных художественных зарисовках на страницах региональной литературной периодики создаётся противоречивый, но в целом положительный образ Японии.

Ключевые слова: Япония, переводная литература, периодика, Российская империя

В конце XIX – начале XXI в. взаимоотношения России и Японии, по понятным причинам, значительно активизировались. Этот период в истории российско-японских контактов имеет, пожалуй, самую обширную историю изучения в отечественной и зарубежной гуманитарной науке, и большинство ученых при подходе к этому вопросу делают акцент на имагологической составляющей, о чем свидетельствуют, в частности, заглавия их работ, содержащие, как правило, термины «образ», «миф» или «представление». Автор одного из решающих для данной темы монографических исследований, основанного на обширном и ранее неизвестном источниковом материале, Д. Схиммельпенник, полагает, что именно «имперское мифотворчество» послужило причиной Русско-японской войны и поражения в ней, имея при этом в виду как формы капиталистического империализма, представленного экономическими интересами Европы и США, так и его «военно-феодальную» разновидность в лице царской России [1. С. 328]. В первую очередь исследователь говорит о создании и восприятии идеологизированного образа Японии российским центром, правящими кругами, дипломатами, т.е. представителями государственных имперских интересов, а также о трансляции такого выгодного для большой политики образа в науке и литературе (японский и китайский следы в русской литературе известны, подробно исследованы и связаны с целым рядом имен Серебряного века [2–5]). Однако не менее сильная тяга к конструированию собственной идентичности за счет создания и продвижения особого образа существовала и поддерживалась с обратной стороны, т.е. на уровне японской государственности. На данный момент учёными доказано, что в определенной степени залогом победы в военных действиях стала многолетняя деятельность японцев по созданию положительного прозападного образа страны; задачи этой стратегической информационной политики за-

ключались в изменении стереотипных, ориенталистских (в терминологии Э. Саида) представлений о японско-китайском мире, который в глазах многих культурных и общественных деятелей рубежа веков олицетворял «желтую опасность» [6. С. 235]. Будучи инициированной с концом политики изоляции в XIX в., эта японская практика в настоящее время институционализировалась, т.е. «перешла к организованным структурам и официальной регламентации политики конструирования идентичности» [7. С. 114].

Таким образом, история противостояния России и Запада, выразившегося в борьбе за доминирование на восточных территориях на рубеже XIX–XX вв., изучается преимущественно в перспективе имагологической риторики по причине ее максимальной адекватности происходившим в действительности культурным процессам, и представленный в статье материал входит в ту же научную парадигму, отражая сложность этого тройственного интеркультурного трансфера.

Цель данной статьи – представить анализ японских мотивов, выразившихся в переводных публикациях на страницах региональных русскоязычных периодических изданий Сибири и Юго-Западного края рубежа XIX–XX вв.

В условиях активного имиджевого производства в художественной западной литературе, на театральной сцене, в произведениях художников и музыкантов и даже в коммерческой рекламе всё явственнее зазвучала японская тема [8]. И в российской периодике регионов в рубрике «Фельетон» выразительнее выглядели японские мотивы, главным образом, за счёт переводов с английского, немецкого, французского языков, которые до недавнего времени оставались малоизученными. Настоящее исследование позволяет отчасти восполнить этот пробел и опирается на подготовленную в 2020 г. научную библиографию таких переводов [9].

В отечественной науке изучение образа Японии на материале периодики имеет свою, довольно богатую историю, и дореволюционные губернские издания в ней представляют особую нишу в силу того, что именно они на рубеже веков взяли на себя роль трансляторов программы культурного развития регионов Российской империи, учитывая тот факт, что по данным на 1897 г., не более 10% населения России жили в столицах, а количество провинциальных газет в 1904–1906 гг. увеличилось в 2,5 раза [10]. Важно и ещё одно характерное отличие региональной периодики: как и столичная, она начиналась как журнальная, но вскоре «ведущей в регионах стала газетная пресса, в то время как в столицах продолжали главенствовать журналы» [11. С. 18].

Стратегии репрезентации образа Японии на страницах центральных и региональных периодических изданий, таких как «Русские ведомости» [12], «Дальневосточное обозрение» и «Сибирская жизнь» [13], получили свое освещение, однако материалом для анализа выступало при этом ансамблевое целое того или иного издания. В настоящей работе мы рассматриваем два корпуса периодических изданий, выбранных по итогам фронтального просмотра провинциальной печати рубежа веков на предмет

наличия переводного литературного и публицистического контента [9], т.е. апелляции местных журналистов к зарубежным авторам с целью формирования собственного представления в отношении японской темы. Результаты этого анализа показали, что наиболее репрезентативными в данном ракурсе являлись газеты Сибири и Юго-Западного края (будущей Украины), регионов, в которых ошутимое влияние имели областнические настроения, хотя и разного толка [14].

В трёх центральных газетах Одессы и Киева вышли 9 таких произведений, в трёх томских газетах появились не менее 16 материалов о Японии. Тенденции конструирования образа Японии посредством публикации переводов, выполненных, как правило, специально для того или иного издания, очевидны и сходны в обоих указанных регионах, при этом наиболее ярко проявляются определённые характерные черты.

«Сказочная» Япония: мифы и легенды

Характерной особенностью репрезентации японской культуры в переводах является исключительная популярность в русской литературной периодике легенды о каменотёсе, рассказанной голландцем Мультиатули (псевдоним Э.Д. Деккера, прослужившего более 15 лет в юго-восточных колониях и прославившегося своими рассказами о культуре и быте местных народов). Избранные сочинения автора вышли в переводе супруги Ф. Сологуба А.Н. Чеботаревской (1876–1921) в Санкт-Петербурге в 1907 г. [15. С. 205], однако в региональных газетах именно история о каменотёсе появляется несколькими годами ранее: в «Южном обозрении» и «Сибирской жизни» японская сказка выходит в переводе некоего «Д.Р.» в 1902 г., в «Одесских новостях» публикуется новый вариант перевода в 1906 г. [16]. Интерес к произведениям середины XIX в., очевидно, был связан с активизацией русско-японских отношений в начале XX столетия.

С одной стороны, исходя из аутентичного толкования сказки о каменотёсе, следует указать на то, что она содержит некую квинтэссенцию даосизма, утверждающего иллюзорность власти, относительность ценностей, циклический характер изменения всех вещей и неизбежный возврат к их исходной точке; при таких факторах человек может чувствовать себя удовлетворенным лишь тогда, когда принимает себя таким, какой он есть в настоящий момент. Рефреном в сказке звучит повторяющаяся пятикратно фраза «он был недоволен» и финальное «он был доволен».

С другой стороны, популярность именно этой сказки во многом определяется близостью её сюжета к притче о выборе креста. Японский каменотёс, подобно герою христианской истории, возроптал на свою трудную судьбу и попросил у высших сил иной доли, пожелав стать сначала богачом, затем правителем, а после солнцем, облаком и той самой скалой, которую он покорял, будучи простым работником, а в финале он добровольно вернулся к первоначальной ипостаси, оставшись довольным ею.

В трёх разных вариантах перевода значительных расхождений не наблюдается, все они так или иначе обнаруживают стратегию доместика-

ции, приближая японского героя к русскоязычному или европейскому читателю за счёт введения характерных нарративных формул или лексических трансформаций, при этом следует помнить, что оригинал «Каменотёса» написан на немецком языке-посреднике, т.е. разночтения в переводах вряд ли могли быть связаны с недостаточными языковыми компетенциями их авторов.

Вышедший первым из обнаруженных нами перевод выполнен автором, подписавшимся криптонимом «Д.Р.» и сделавшим всего три перевода для «Южного обозрения»: кроме «Каменотёса» (1902) в этот список входят рассказ австрийца В. Кьяваччи (1847–1916) под заглавием «Его высокородие» [17] (1901), а также перевод со шведского «Звездочка падает» [18] (1903). Художественный язык этих текстов отличают лаконичность, отсутствие европеизмов или сентиментально-романтических штампов, тяготение к реалистическому стилю повествования. Второй вариант перевода подписан псевдонимом «Civis romanus», что означает «я римский гражданин» и представляет краткий вариант ставшего крылатым латинского высказывания, подразумевавшего возглас-утверждение своих гражданских прав и свобод, гарантированных принадлежностью к гражданскому обществу римского государства, независимо от личного благосостояния и социального положения. Такое самопозиционирование переводчика в определенной мере коррелирует с образом главного героя японской сказки, бедного каменотёса, прошедшего достойно путь от недовольства своей долей к её новому обретению.

В результате сравнения этих двух русскоязычных версий сказки Мультатули с третьей, принадлежащей Чеботаревской и ставшей канонической, следует отметить различные стратегии передачи реалий, репрезентирующих экзотический колорит: титула верховного правителя, названия золотого зонтика над ним, а также атрибутов его богатого ложа.

Д.Р. (1902)
Ах, если бы мне быть богачом и лежать **на покойном ложе с красивым балдахином!**

Проезжал мимо **король**; со всех сторон окружало его **войско**, и над головой его держали **золотой зонтик**.

Civis romanus (1906)
Ах, если бы я был богат, если бы я мог отдыхать **под балдахином из красного шелка!**

В это время проезжал в своей **карете король**. Вокруг него ехали **рыцари и пажы**, а над ним несли **золотой Payong – солнечный зонт, знак величайшей почести**.

А.Н. Чеботаревская (1907)
О, если бы я был богат, – сказал он, – и мог бы отдыхать **на подушках из красного шёлка!**

И **царь той земли** проезжал мимо со **всадниками, окружавшими его карету**. И над головой царя держали **золотой пайонг**.

Как видим, в первом переводе автор предпочитает редуцировать информационную нагрузку на читателя и не использовать новых для него реалий, включив только известный и не имеющий прямого отношения к японскому быту «балдахин», хорошо знакомый по ориенталистскому курсу западной, а также и русской литературы. Такое решение не противо-

речит притчевой модальности сюжета, не отвлекает на детали, хотя и несколько одомашнивает историю, лишая её инородности и экзотизма. Второй переводчик выбирает обратную стратегию, инкорпорируя в текст все обозначения реалий и комментируя некоторые из них, однако соприсутствие в тексте японского пайонга, европейских титулов («короля», «рыцарей», «пажей») с азиатским «балдахинном» не совсем логично с точки зрения соответствия действительным реалиям. Автор третьего перевода попыталась придерживаться «золотой середины» и в то же время избежать избыточности экзотизмов при воссоздании лаконичной по своему замыслу японской притчи Мультагули. Однако все три перевода следует оценить как не содержащие значительных искажений.

Переводческое восприятие малой прозы Деккера (Мультатули) в дореволюционной периодике регионов и в столицах Российской империи имеет неслучайный характер и заслуживает специального внимания. В составленной нами библиографии обнаруживается не менее 20 таких источников начала 1900-х гг. в газетах «Одесские новости» (5), «Приазовский край» (1), «Южное обозрение» (9), «Южный телеграф» (2), т.е. социально-политический пафос антиколониального дискурса голландского автора был знаком целевой аудитории изданий, однако большей популярностью пользовались его «легенды», представляющие мифологизированный образ Страны восходящего солнца.

Итак, по понятным причинам, связанным с историко-политической ситуацией, с началом русско-японского конфликта, и до поражения в войне авторы переводов выбирают сказочные сюжеты, легенды и волшебные истории из японского фольклора, которые представляют инонациональную культуру как чуждую, экзотическую и в то же время приближают её традиции и объясняют читателю её странные обычаи и нравы (именно в период с 1901 по 1905 г. наблюдается увеличение количества таких обращений во всех регионах). В первые годы XX в. сами за себя говорят заглавия публикаций: «Японский рождественский рассказ», «Чашка (из японской хрестоматии)», «Котомка. Японская сказка», «Дракон Ятама. Японская легенда», «Золотой лотос. Японская легенда», «Зеркальце. Японская сказка», «Освобождение. Японская сказка» и др. Сказочный дискурс в конструировании представлений о Японии дополнялся еще одним, не менее важным: альтернативу составляли травелоги, представляющие якобы современный и правдивый облик страны, её нравов и характеров. Примечательно, что авторами таких путевых заметок, растянувшихся на циклы, выступали исключительно носители западного имперского сознания, воспринимавшие незнакомую реальность с явно предвзятым настроением, доходившим порой до враждебности, хотя век тому назад такие воззрения на инородцев вполне согласовались с общепринятой в те годы нормой.

Схожие тенденции наблюдаются и в двух других жанровых группах публикаций, имеющих имагологические интенции. Библиография публицистических и художественных зарисовок, а также аналитических очерков о Японии в изученных изданиях также составлена из текстов, среди кото-

рых большую часть образуют переводы объёмных сочинений с французского, однако встречаются переводы с английского, немецкого и польского языков. 10 из 12 таких публикаций находятся в сибирских изданиях и лишь 2 художественно-публицистических сочинения – в газетах Юго-Западного края («Одесских новостях» и «Киевлянине»), что свидетельствует о локализации внимания к восточному соседу за Уралом, а именно в университетском Томске, и это объясняется не только географическим положением регионов по отношению друг к другу.

Историко-политические и страноведческие обзоры о Японии: женские образы, воспитание детей и «жёлтая опасность»

Одновременно с первыми японскими сказками и легендами, в 1903–1905 гг., в выделенном корпусе периодических изданий выходит ряд обзоров, конструирующих образ Японии посредством изображения «характерных черт» населяющих её людей, при этом явно доминирует гендерный фактор. Внешность, нравы, мораль японцев отражаются исключительно как «другие» в отдельных циклах текстов, специально посвящённых «японской женщине» и «японским детям». Образ «японского мужчины» ассоциируется с угрозой для западного мира.

Первым из таких очерков стал созданный известным публицистом Петром Исаевичем Ротенштерном, печатавшимся под псевдонимом П. Звездич в одесских и петербургских газетах и журналах. Фельетон «Одесских новостей» выпустил его статью «На Востоке» в марте 1895 г. Однако этот первый заголовок опровергается в первых же строках автора, отмечающего: «На Востоке. Впрочем, так ли это, когда речь заходит о Японии? В географическом смысле мы, конечно, не совершаем ошибки, помещая Японию в восточной части Старого Света, но дело в том, что слова: Запад и западник давно уже перестали быть только географическим термином» [19]. По мысли Ротенштерна, российские читатели должны «усвоить себе и довольно сносно переварить все плоды европейской культуры, предстоит немаловажная роль в истории дальнейшего развития Востока, где Россия имеет столь много насущных интересов, и это обязывает нас возможно ближе познакомиться с нравами, обычаями этой страны» [19]. Статья представляет собой реферативный перевод-пересказ основных тезисов некоего сочинения под названием «Japanese Women» (с англ. «Японские женщины») и преследует определённую, не только просветительскую цель по формированию суждения, имагологически заряженного. Англоязычная книга представляла собой сборник эссе, запрошенных американским женским комитетом у японцев и составленный созданным по этому поводу коллективом из знатных представительниц прекрасного пола, написавших свои разделы по отдельным темам из жизни японок. Обозреватель указывает на наличие в нём разделов о японских женщинах в политике, в домашней жизни, в промышленности и религии, но предпочитает сделать организующим для своей статьи повествование о роли японок в литерату-

ре, что ещё раз подчёркивает литературоцентризм журналистской мысли авторов литературных рубрик периодических изданий Российской империи того времени.

Обозреватель выражает протест против стереотипов, укоренившихся благодаря сочинениям европейских публицистов, в частности Пьера Лоти, сконцентрированных на эротическом экзотизме японок и их общественной роли. И всё же он не преминул перечислить и сделать пояснения относительно этого: «...всем известно, что существуют гейши, полуартистки и вместе с тем, чаще всего, дамы легкого поведения, что там существует временный брак, институт, благодаря которому иностранец может себе завести в Японии нечто вроде «временно обязанной» жены, которую покупает на известный срок» [19]. Своё недовольство он оформляет в сравнение европейских журналистов, которые специально пишут лишь об этом, с теми, кто, побывав в Париже, узнает только о Мулен-Руже, и видит значение реферируемой книги в рассказе о «других» японках. Прежде всего он выбирает главу «Японские женщины в литературе», и хотя из авторов-женщин в изложении упоминаются только три поэтессы периода Хэйан Мурасаки Сикибу (973–1014), Исэ и Оно-но, Комати, автор считает неоправданным вклад женщин в развитие японского литературного языка и даёт по этому поводу подробное описание того, каков был язык японцев до прихода письменности и экспансии китайского языка. Переводчик посчитал целесообразным привести примеры жанровых форм японской поэзии и завершает свой обзор предположением о том, что «перевод некоторых японских произведений на английский, например, язык очень быстро убедил бы иностранцев в высокой талантливости этих произведений» [19], но сожалеет, что «более или менее точный перевод поэтических произведений с японского на иностранные языки почти невозможен» [19].

Остальные пять подробных очерков о японских женщинах, мужчинах и детях опубликованы в сибирских газетах главным образом в 1904 г. Текст «Женщина-японка» обнаруживает сходство с вышедшим ранее в Одессе, представляет собой перевод с французского, автор оригинала и имя переводчика не указаны. Текст разделён на три части, которые называются «Наружность японки», «Характер японки» и «Профессия японки», т.е. уже на уровне заглавий позиционируют японскую женщину как некое экзотическое создание, отличное по своей сути от женщин европейских или западных. В самом рассказе француз, а за ним и сибирский журналист-переводчик раскрывают эту имагологически заряженную риторику во всем разнообразии. Японки предстают перед читателями в некоем собирательном образе «Чужого», и он вновь имеет скорее позитивный, чем негативный посыл. Внешне она оказываются «всю жизнь похожей на ребёнка», «растёт до 18–19 лет», «усиленно прибегает к косметике», имеет «поразительно тонкие пальцы», «прекрасные зубы», но «уродливую осанку», «медленную и ленивую походку» [20]. О характере уроженок Японии автор высказывается лаконично: «...про японскую женщину можно сказать в трёх словах, что в детстве она резва, в юности сдержанна и очень коротка и

верна в замужестве» [20]. Что касается профессии, то, по мнению обозревателя, «японка способна ко всем ремеслам, но профессия, к которой она наиболее склонна, – это воспитание и обучение детей» [20]. С позиции современности, такое описание может показаться не совсем корректным в этическом и моральном отношении, но более века тому назад оно, напротив, служило конструированию положительного образа японского общества в женском облики, развенчанию представлений об ограниченности местных нравов.

Решению этой же задачи посвящена и публикация очерка о японских детях, изображенных также в идеализированном ключе на основании сравнения с европейскими сверстниками, в отличие от которых они «ведут себя крайне скромно: не кричат, не топают ногами, не дерутся, не ссорятся между собой», будто «явились на свете Божий уже обученные всем правилам вежливости». Журналист обращается к читателям «Сибирского вестника» с призывами: «Поезжайте в Японию, объездите всю страну и едва ли вы услышите где, чтобы ребенка били!»; «Не думайте, чтобы девочки обращались с куклами так же бесцеремонно, как наши, нет, они почитают их за святыни!» [21]. Автор оригинального текста – писатель Шарль Лоран (1840–1897), чьи исторические повести «Шпион императора» (на фр. «L'espion de l'empereur») и «Сын Наполеона» (на фр. «Son fils») обрели популярность в переводах на русский язык в 1900 г., т.е. его имя было хорошо известно читающей аудитории.

Наконец, цикл из трёх аналитических очерков томских газет посвящён как скрытой, так и открытой полемике с европейскими, главным образом французскими, коллегами относительно панмонголизма и наступающей на европейский мир «желтой опасности». Корреспонденты «Сибирского вестника» в 1904 г. публикуют свои комментированные пересказы, опираясь на сочинения Франсуа Коппе и Шарля Лорана, при этом категорическая позиция первого автора последовательно, но корректно отвергается, а миролюбиво окрашенная точка зрения второго публициста подаётся с одобрением.

Публицист Ф. Коппе дискредитируется как дипломат под пером сибирского автора и выставляется лишь как художник, апеллирующий к эмоциям читателя: «Коппэ картинно рисует нам мрачные ужасы нового будущего нашествия монголов на Европу и весь цивилизованный мир» [22]; «...приходится отказаться от попытки отыскать в этих поэтических образах обоснования сущности понятия „жёлтая опасность“» [22]. На вопросы «Где же правда?» и «Что такое само по себе это понятие „жёлтая опасность“?» неподписавшийся переводчик даёт свой ответ: «...не что иное, как порыв поэтического духа: – величественная картина будущего пожара вдохновила художника на мрачные предсказания» [22]; «...если дипломат пытается аргументировать с фактами в руках, то поэт взывает лишь к чувству страха» [22]. В последних строках своей статьи автор, подписавшийся как «Друг», приходит к пацифистскому выводу: «Да, наконец (это самое важное), конкуренция не есть всеобщий закон, и придёт время, когда она уступит своё место великому началу солидарности» [22].

В том же духе исполнена и публикация, вышедшая спустя несколько месяцев и содержащая освещение трудов Ш. Лорана, которые были уже известны сибирскому читателю по просветительским материалам о японских женщинах и детях. Томский автор выбирает, казалось бы, острую политическую тему, впечатления француза, оказавшегося в Японии накануне войны с Россией, однако он создает светлую эмпатическую картину, вызывающую сочувствие и сопереживание читателя, купируя таким образом пафос враждебности и противостояния, что было немаловажным имагологическим посылом в 1904 г.

Автор целого цикла переводных материалов для сибирской дореволюционной прессы «М.Ш.» пишет о впечатлениях француза, ставшего свидетелем отправки японских солдат на войну с русскими без какой-либо негативной коннотации, стараясь раскрыть понимание их национальных традиций и чувств: «Их провожали родные и друзья с фонарями в руках. Меня поразила простота и обыденность этих проводов: каждый говорит лишь несколько слов тому, кто уезжает без надежды на возвращение, потому что, насколько они уверены в конечном успехе их родины, настолько же каждый из них лично считает смерть вероятной, и все они уезжают с мыслью, что будут убиты. В этом их сила, и нельзя не восхищаться тем спокойствием, с которым они идут на смерть, что по их понятиям значит идти к славе» [23]. Иллюстрацией к этому пассажу становится легенда о том, как простой носильщик-вдовец убил своих сыновей, чтобы пойти воевать.

И только одна и последняя в хронологическом плане статья, обнаруженная в просмотренных газетах регионов и вышедшая вновь на страницах сибирской прессы, транслирует враждебно-демоническую имагологическую стратегию Ф. Коппе без критического комментария. Публикация 1905 г. «Японский панмонголизм», обозначенная подзаголовком «Перевод с французского для «Сиб<ирской> жизни»», была опубликована в начале 1905 г. в двух номерах газеты. Образ Японии здесь демонизируется и репрезентирован в самых смелых и прямых выражениях, политическим властям страны вменяется желание политической экспансии всего монголо-китайского мира («Китай, но и Кореи, Монголии, Тибета, Индии и пр. и пр.»), осуществление которого определяется, прежде всего, поддержкой Европы и США. По словам автора, «Япония мечтает о национальной панмонгольской армии, как продукте всеобщего обучения» [24]; «Японские шпионы и коммерческие агенты были в то же время подготовителями, распространителями знания» [24]; «Япония снабжает китайские арсеналы новым оружием, создаёт Китаю новый флот, строит ему в своих доках канонерки для больших рек, основывает японо-китайский банк» [24]; «...такова японская система “втирания”, “просачивания”» [24].

Третий род имагологически окрашенной стратегии представления образа Японии в дореволюционной периодике реализован в публикациях в жанре травелога, или художественных рассказов о путешествиях.

Образы Японии в переводных травелогах на страницах томской и киевской дореволюционной периодики

Самое крупное произведение в указанном жанре было опубликовано в 1905 г. на страницах «Киевлянина», где в пяти номерах газеты в начале года появился объемный перевод «Стоянка в Японии» [25], сюжет которого основывается на впечатлениях некоего француза, морского офицера, вновь посетившего страну спустя пятнадцать лет после первого визита. Автор оригинала – французский офицер флота и писатель Пьер Лоти (1850–1923), снискавший славу благодаря своим колониальным романам-травелогам об экзотических странах. Именно о нём и о его произведениях шла речь и в приведённых выше обзорах региональных авторов, статьях о японских женщинах, детях, о желтой опасности, с ним соглашались и от его суждений отталкивались при конструировании образа Японии, т.е. Лоти определенно выступил наряду с Ф. Коппэ и Л. Херном одним из центральных медиаторов в имагологическом дискурсе, предназначенном читателям русской региональной прессы начала XX в. Исследуемый перевод представлял сокращенную версию знаменитого романа Лоти «Мадам Хризантема» (1887), послужившего основой сюжета оперы «Мадам Баттерфляй» Джакомо Пуччини (1904) и рассказывавшего в первую очередь о временном браке европейца с японкой, заключённом в период его пребывания за границей, во вторую – о нравах, обычаях, традициях и культуре современной автору Японии (об этом свидетельствуют заглавие произведения и место центральной сюжетной линии в нём).

Особый интерес для нас представляет стратегия перевода, выбранная корреспондентом «Киевлянина», который исключил из своего текста историю женитьбы французского офицера, оставив лишь его впечатления о жизни в Нагасаки, нейтрализовав имперскую ноту французского романа до литературного дневника о путешествии. При этом Собрание сочинений Лоти на русском языке вышло только в 1907–1909 гг., т.е. местный обозреватель русской газеты Юго-Западного края вполне мог претендовать на первенство своей версии у широкого круга читателей, поскольку «Киевлянин» был одним из самых популярных изданий в Российской империи. В результате предпринятой трансформации текст «Мадам Хризантемы» сократился в несколько раз, но приобрёл подходящее литературной периодике просветительское, новеллистическое звучание и в то же время уплотнённый тип нарратива.

Основные сюжетные коллизии рассказа, опубликованного в пяти частях, образуют несколько определённых составляющих: описания природы и города, ритуалов (трапеза, увеселения, праздники, кладбища), интерьеров. Центральное место при этом занимают женские образы, герой сконцентрирован на характеристике мусме (от французского разговорного «moussmé» – молодая японка), описывая внешний вид, поведение и предназначение гейши-танцовщицы, гейши-«музыкантши», некоего коллективного облика мусме, а также новый тип девушек, получающих образование

для дальнейшей службы на войне. Этому ряду образов противопоставлены женские персонажи проживающих в Японии европейек, знакомых и родственников повествователя, не вызывающих у него столь же оживленного интереса.

Структура со- и противопоставления, контраста характерна и при описании ландшафта, урбанистических пейзажей, ритуалов и обычаев страны и является базисной для архитектоники травелога Лоти в переводе киевского автора, в то время как в оригинале она выстраивается на романной линии с ведущей ролью мадам Хризантемы. В результате маятникового движения оценочного дискурса от крайности к крайности повествователь Лоти приходит поочередно к двум противоположным выводам в своих заключениях о Японии, которые звучат лейтмотивом в русском переводе, опубликованном в Юго-западном крае: «...древняя Япония продолжает существовать, несмотря на безумное вранье, толкающее ее на путь перемен и разрушения» [25]; «...в Японии все постепенно исчезает» [25]; «Нет, положительно, моя прежняя Япония, Япония моей юности, еще существует» [25]; «И все-таки старая Япония существует» [25]. Такая стратегия киевского переводчика не противоречит замыслу французского автора, который объясняет в предисловии к роману: «Хотя на первый взгляд самая большая роль принадлежит госпоже Хризантеме, главные персонажи, вне всякого сомнения, это Я, Япония и Впечатление, произведенное на меня этой страной» [25].

Тот же стержневой имагологический посыл имеют и два других травелога о Японии, которые по объему вдвое меньше сокращенного перевода романа Лоти, но не менее репрезентативны. Первый из них, вышедший в «Сибирском вестнике» в 1905 г. под заглавием «Ночь в японской гостинице» [26] с пометой о том, что оригинал был переведен с немецкого специально для газеты и взят из сочинений М. Пфистера, очевидно, малоизвестного автора. При этом совпадают и направляющие имагологического дискурса: устройство быта, трапезы, внешних особенностей обыденной жизни японцев и обхождения японок с мужчинами. Путешественник-немец, направляясь из Иокогамы вглубь страны, прибыл в Авиной, небольшой летний курорт и поселился в одной из аутентичных японских гостиниц, не предназначенных для иностранцев. «Обстановка, в которой я очутился, произвела на меня благоприятное впечатление» – такова его изначальная установка, которая сохраняется на протяжении всего рассказа, где фигурирует множество реалий национального колорита, как-то: «курительный прибор», «японский кисет», «настоящий японский чай», «соломенные сандалии» и мн. др. [26]. Большую часть повествования составляет описание трапезы, которую организует для постояльца местная служанка Юшавана. Сравнивая ее обхождение со знакомым ему, он пишет: «Немецкий оберкельнер поднёс бы мне, вероятно, те кушанья, от которых его хозяин хотел бы избавиться в тот вечер, но Юшавана поступила совсем иначе» [26].

Наконец, третий переводной рассказ о Японии вышел в том же году также в «Сибирском вестнике» под названием «Смерть двух японских

шпионов» [27] и с пометой «с польского». В данном случае сюжет имел непосредственное отношение к событиям Русско-японской войны: автор пересказывает историю, услышанную из уст раненого русского офицера, наблюдавшего поимку, суд и казнь двух японских шпионов, при этом акцент сделан на сочувствии свидетеля по отношению к казнённым шпионам: «...когда я увидел, как под пулями наших людей пали эти два японских солдата, отдавши свою жизнь родине, то это показалось мне ужасным» [27]. Его чувства разделил и комендант, попросивший солдат: «Если у вас есть сострадание к этим несчастным, то цельтесь прямо в сердце» [27].

Таким образом, в художественных зарисовках на страницах региональной литературной периодики создаётся противоречивый, но в целом положительный образ Японии. Характерная черта, связанная с имагологическим представлением Японии в переводах на страницах региональных газет, опосредована его спецификой: все без исключения переводы выполнены не с японского, но с европейских языков (французского, немецкого, польского, английского). Это объясняется, скорее всего, объективной причиной – незнанием японского языка, однако по факту оказывается, что российская рецепция имеет опосредованный характер и транслирует преимущественно западное представление о некой далекой культуре. При этом вполне узнаваемы и основные фигуры, послужившие ориентирами для переводчиков и выступившие авторами «зарисовок» и «картинок» о Японии, а также путевых заметок.

Литература

1. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
2. Дьяконова Е.М. «Я видел сон, что каждый там поэт...»: Образы Японии в поэзии Серебряного века // Ежегодник Япония. 2017. № 46. С. 283–306.
3. Пороль П.В. Китай в рецепции поэтов Серебряного века (поэтика и эстетика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 25 с.
4. Юннин Ц. Образ Китая в поэзии Арсения Несмелова и Валерия Перелешина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 29 с.
5. Тяньцзяо В. Образ Китая в стихотворениях В.Я. Брюсова // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2020. № 5 (148). С. 144–148.
6. Павлов Д.Б. Япония на рубеже XIX–XX вв.: на технологии создания позитивного образа на Западе // Ежегодник Япония. 2009. № 38. С. 235–259.
7. Задворная Е.С. Институционализация образа Японии в государственном внешнеполитическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21, № 3. С. 114–121.
8. Barlett K. Japonisme and Japanophobia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness // The Russian Review. 2008. № 1 (67). P. 8–33.
9. Никонова Н.Е., Серягина Ю.С., Масяйкина Е.В., Морозова И.В. Переводная литература в дореволюционной периодике регионов Российской Империи : научная библиография. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020621571.
10. Блохин В.Ф. Становление и развитие губернской периодической печати в России: вторая треть XIX – начало XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. 33 с.

11. *Лепилкина О.И.* Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XVIII – начале XX вв : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2010. 43 с.
12. *Кудрявцева Т.М.* Образ Японии в газете «Русские ведомости» (1895–1902 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 6 (68). С. 37–48.
13. *Воробьева Э.А.* Образ Японии и японцев в прессе Дальнего Востока и Западной Сибири в годы русско-японской войны: сравнительный анализ // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, № 1. С. 159–163.
14. *Малинов А.В.* Философия и идеология областничества. СПб. : Интер-социс, 2012. 128 с.
15. *Мультатули.* Повести. Сказки. Легенды / пер. и вступ. ст. А. Чеботаревской. СПб. : Дело, 1907. 224 с.
16. *Каменотес.* Японская сказка. Мультатули / пер. с нем. // Южное обозрение. 1902. Лист 2. № 1836. С. 6. Подпись: («Д.Р.»).
17. *Его высокородие.* Из «Венских картин» Vincenz’a Ehiavacci / пер. с нем. // Южное обозрение. 1901. № 1567. С. 1. Подпись: («Д.Р.»).
18. *Звездочка падает* / пер. со швед. // Южное обозрение. 1903. Лист 2. № 2249. С. 5–6. Подпись: (Д.Р.).
19. *На Востоке:* Японская женщина в литературе // Одесские новости. 1895. № 3355. С. 2. Подпись: П. Звездич.
20. *Женщина-японка* / пер. с фр. // Сибирская жизнь. 1903. № 99. С. 2. Подпись: I. Hitomi.
21. *Японские дети* / пер. с фр. // Сибирский вестник. 1904. № 101. С. 2–3. Подпись: М.А. Левт.
22. «*Франсуа Коппе*» о «желтых»: Из очерков о «желтой опасности» (после японо-китайской войны 1894) // Сибирский вестник. 1904. № 141. С. 2. Подпись: Друг.
23. *Француз* о Японии: (Из Figaro) // Сибирский вестник. 1904. № 166. С. 3. Подпись: Пер. М.Ш. Шарлю Лоран.
24. *Японский панмонголизм* / пер. с фр. // Сибирская жизнь. 1905. № 14, 15. С. 2. Подпись: Н.А. Цорн.
25. *Лоти П.* Стоянка в Японии // Киевлянин. 1905. № 16, 18–21. С. 2.
26. *Ночь* в японской гостинице. Д-ра Максимилиана Пфистера / пер. с нем. для СВ // Сибирский вестник. 1905. № 70. Подпись: Перевел М–н.
27. «*Смерть* двух японских шпионов» / пер. с польск. // Сибирский вестник. 1905. № 91. С. 2. Подпись: Перевел М. Д.–о.

Приложение 1

Библиография переводных публикаций о Японии в дореволюционной периодике Российской империи

Газеты Юго-Западного края

Киевлянин (1898–1919)

1. *Laurent Ch.* В Токио // Киевлянин. 1904. № 217, 220, 221. С. 1. Подпись: —.
2. *Лоти П.* Стоянка в Японии // Киевлянин. 1905. № 16, 18–21. С. 2. Подпись: —.

Одесские новости (1884–1917)

1. *На востоке.* Японская женщина в литературе // Одесские новости. 1895. № 3355. С. 2. Подпись: П. Звездич.
2. *Сказка* о японском каменотесе (из Мультатули) // Одесские новости. 1906. № 6822. С. 4. Подпись: civis romanus.
3. *Японская служанка* // Одесские новости. 1904. № 6294. С. 5. Подпись: К. Воинов.

4. *Японский* рождественский рассказ // Одесские новости. 1904. № 6516. С. Подпись: Теофраст Ренодо (английский).

5. *Японская* месь: (Истинное происшествие) // Одесские новости. 1893. № 2514. С. 2. Подпись: А. Доливо-добровольский.

6. *Харакири* (из японского предания) // Одесские новости. 1904. № 6289. С. 5 Подпись: —.

Южное обозрение (Одесса, 1896–1906)

1. *Зеркальце*: Японская сказка // Южное обозрение. 1901. № 1575. С. 1. Подпись: Перевод с польского для «Южн. Обозр.» М. Пеховоний.

2. *Каменотес*: Японская сказка. Мультиатули. С немецкого // Южное обозрение. 1902. Лист 2. № 1836. С. 6. Подпись: («Д.Р.»).

Сибирские издания

Сибирский вестник (Томск, 1910–1913)

1. *Франсуа* Коппэ о «жёлтых» // Сибирский вестник. 1904. № 141. С. 2–3. Подпись: Друг.

2. *Француз* о Японии // Сибирский вестник. 1904. № 166. С. 3. Подпись: Пер. М.Ш. (Из Figaro).

3. *Ночь* в японской гостинице. Д-ра Максимилиана Пфистера / пер. с нем. // Сибирский вестник. 1905. № 70. С. 2. Подпись: Перевел М-н.

4. *Японские* дети / пер. с фр. // Сибирский вестник. 1904. № 101. С. 2–3. Подпись: М.А. Левт.

5. *«Смерть* двух японских шпионов» / пер. с польск. // Сибирский вестник. 1905. № 91. С. 2. Подпись: Перевел М. Д.-о.

Сибирская жизнь (Томск, 1894–1919)

1. *Каменотес*. Японская сказка Мультиатули / пер. с нем. // Сибирская жизнь. 1902. № 126. С. 3. Подпись: «Д.Р.».

2. *Певница* роква: Корейская повесть / пер. с япон. // Сибирская жизнь. 1902. № 279. С. 2–3. Подпись: Фусата-Сузуки.

3. *Женщина-японка* / пер. с фр. // Сибирская жизнь. 1903. № 99. С. 2. Подпись: I. Nitomi.

4. *Золотой* лотос. Японская легенда / пер. с нем. // Сибирская жизнь. 1903. № 139. С. 3. Подпись: В.Ю.

5. *Дух* японской культуры. Лафкадье Гьярм в Токио / пер. с нем. // Сибирская жизнь. 1904. № 90. С. 2. Подпись: —.

6. *Японский* панмонголизм / пер. с фр. // Сибирская жизнь. 1905. № 14, 15. С. 2. Подпись: Н.А. Цорн.

7. *Сверху*: Этюд Кото Губано / пер. с япон. // Сибирская жизнь. 1905. № 23. С. 2. Подпись: —.

8. *Популярный* японский писатель Кенджиги Токуоми выпускает отдельным изданием свои воспоминания о Л.Н. Толстом // Сибирская жизнь. 1913. № 277. С. 2. Подпись: —.

9. *Дух* японской культуры. Лафкадье Гьярм в Токио / пер. с нем. // Сибирская жизнь. 1904. № 90. С. 2. Подпись: —.

Сибирский наблюдатель (Томск, 1900–1906)

1. *Последствия* тщеславия / пер. с япон. // Сибирский наблюдатель. 1905. № 6. С. 2. Подпись: Ф. Сузуки.

Images of Japan in the Periodicals of the Russian Empire Regions at the Turn of the 20th Century: Translated Literature as an Imagological Tool

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 230–246. DOI: 10.17223/19986645/73/13

Natalia Ye. Nikonova, Muaitair Abuduvaili, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikonat2002@yandex.ru / hopeu123@bk.ru

Keywords: Japan, translated literature, periodicals, Russian Empire.

The article examines the functioning and role of images of Japan expressed in translated publications on the pages of regional Russian-language periodicals of the early 20th century. The aim of this article is to present an analysis of Japanese motifs shown via translated publications on the pages of regional Russian-language periodicals of the early 20th century. The research material is 45 texts presented in eight periodicals of the Southwestern Krai, Siberia, and the South of Russia. The methodological apparatus of the article is made up of research by leading imagologists, in particular, by the works of D. Schimmelpenninck, D.B. Pavlov, E.S. Zadornaya, and others. It has been revealed that the images of Japan in periodicals are studied mainly in the perspective of imagological rhetoric due to its maximum adequacy to the cultural processes taking place in the reality. Thus, the material presented in the article is part of the same research paradigm, reflecting the complexity of this complex intercultural transfer. The imagological analysis of the presented texts showed the following results. The image of Japan is realized through three representational strategies: 1) The image of the fairytale Japan, publication of Japanese folklore translations. The image of the region is mythologized due to the appeal to its special traditions, originating from ancientry, famous in legend and alien to Europeans. 2) Historical, political and cross-cultural surveys about Japan, constructing the image of Japan by depicting the “characteristic features” of the people living there. The appearance, manners, and morals of the Japanese are reflected exclusively as “others” in separate cycles of texts specially dedicated to the “Japanese woman” and “Japanese children”. The image of the “Japanese man” is associated with a threat to the Western world. 3) Images of Japan in translated travelogues. In particular, in an abridged version of the famous novel *Madame Chrysanthème* by Pierre Loti. This author was one of the central mediators in the imagological discourse intended for readers of the Russian regional press at the beginning of the 20th century; most of the contemporary authors agreed with him or rejected his judgments when constructing the image of Japan. In the imaginative writings published on the pages of regional literary periodicals, a contradictory, but generally positive image of Japan is created. A characteristic feature associated with the imagological representation of Japan in translations is associated with its indirect specificity: without exception, all translations were made not from Japanese, but from European languages (French, German, Polish, English). It can be explained by the objective reason for not knowing the Japanese, but in fact it turns out that Russian reception is of an indirect nature and broadcasts mainly the Western idea of some distant culture. At the same time, the main figures are also quite recognizable, which served as guidelines for translators and acted as the authors of “belles-lettres” and “pictures” about Japan, as well as travel notes.

References

1. Schimmelpenninck van der Oye, D. (2009) *Navstrechu voskhodyashchemu solntsu: Kak imperskoe mifortvorchestvo privelo Rossiyu k voyne s Yaponiei* [Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. D'yakonova, E.M. (2017) “Ya videl son, chto kazhdyy tam poet...”: Obrazy Yaponii v poezii Serebryanogo veka [“I had a dream that everyone there is a poet ...”]: Images of Japan in the poetry of the Silver Age]. *Ezhgodnik Yaponiya*. 46. pp. 283–306.

3. Porol', P.V. (2020) *Kitay v retseptsii poetov Serebryanogo veka (poetika i estetika)* [China in the reception of poets of the Silver Age (poetics and aesthetics)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
4. Yunnin, Ts. (2019) *Obraz Kitaya v poezii Arseniya Nesmelova i Valeriya Pereleshina* [The image of China in the poetry of Arseny Nesmelov and Valery Pereleshin]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Tianjiao, V. (2020) Image of China in the poems of V.Ya. Bryusov. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki*. 5 (148). pp. 144–148. (In Russian).
6. Pavlov, D.B. (2009) Yaponiya na rubezhe XIX–XX vv.: na tekhnologii sozdaniya pozitivnogo obraza na Zapade [Japan at the turn of the 20th century: on the technology of creating a positive image in the West]. *Ezhegodnik Yaponiya*. 38. pp. 235–259.
7. Zadornaya, E.S. (2016) Institutionalisation of Japan identity construction policy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya – Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 21 (3). pp. 114–121. (In Russian).
8. Barlett, K. (2008) Japonisme and Japanophobia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness. *The Russian Review*. 1 (67). pp. 8–33.
9. Nikonova, N.E. et al. (n.d.) *Perevodnaya literatura v dorevolutsionnoy periodike regionov Rossiyskoy Imperii: nauchnaya bibliografiya. Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2020621571* [Translated literature in the pre-revolutionary periodicals of the regions of the Russian Empire: scientific bibliography. Certificate of state registration of the database No. 2020621571].
10. Blokhin, V.F. (2011) *Stanovlenie i razvitie gubernskoy periodicheskoy pechati v Rossii: vtoraya tret' XIX – nachalo XX v.* [Formation and development of the provincial periodical press in Russia: the second third of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Dr. Diss. St. Petersburg.
11. Lepilkina, O.I. (2010) *Strukturno-tipologicheskaya transformatsiya sistemy russkoy provintsial'noy pressy v KhVIII – nachale XX vv.* [Structural and typological transformation of the system of the Russian provincial press in the 18th – early 20th centuries]. Abstract of Philology Dr. Diss. Stavropol.
12. Kudryavtseva, T.M. (2011) *Obraz Yaponii v gazete "Russkie vedomosti" (1895–1902 gg.)* [The image of Japan in the newspaper "Russkie Vedomosti" (1895–1902)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 6 (68). pp. 37–48.
13. Vorob'eva, E.A. (2007) *Obraz Yaponii i yaponsev v presse Dal'nego Vostoka i Zapadnoy Sibiri v gody russko-yaponskoy voyny: sravnitel'nyy analiz* [The image of Japan and the Japanese in the press of the Far East and Western Siberia during the Russian-Japanese war: a comparative analysis]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History, Philology*. 6 (1). pp. 159–163.
14. Malinov, A.V. (2012) *Filosofiya i ideologiya oblastnichestva* [Philosophy and ideology of oblastnichestvo]. St. Petersburg: Inter-sotsis.
15. Multatuli. (1907) *Povesti. Skazki. Legendy* [Stories. Fairy tales. Legends]. Translated from German by A. Chebotarevskaya. St. Petersburg: Delo.
16. D.R. (1902) *Kamenotes. Yaponskaya skazka. Mul'tatuli*. [Stonecutter. A Japanese fairy tale. Multatuli]. *Yuzhnoe obozrenie*. Sheet 2. 1836. p. 6.
17. D.R. (1901) *Ego vysokorodie. Iz "Venskikh kartin" Vincenz'a Ehiavacci* [His Highness. From "Vienna Paintings" of Vincenzo Ehiavacci]. Translated from German. *Yuzhnoe obozrenie*. 1567. p. 1.
18. D.R. (1903) *Zvezdochka padaet* [A star is falling]. Translated from Swedish. *Yuzhnoe obozrenie*. Sheet 2. 2249. pp. 5–6.
19. Zvezdich, P. (1895) *Na Vostoke: Yaponskaya zhenshchina v literature* [In the East: The Japanese woman in literature]. *Odesskie novosti*. 3355. p. 2.
20. Hitomi, I. (1903) *Zhenshchina-yaponka* [The Japanese woman]. Translated from French. *Sibirskaya zhizn'*. 99. p. 2.

21. Levt, M.A. (1904) Yaponskie deti [Japanese children]. Translated from French. *Sibirskiy vestnik*. 101. pp. 2–3.
22. Drug [Friend]. (1904) “Fransua Koppe” o “zheltykh”: Iz ocherkov o “zheltoy opasnosti” (posle yaponο–kitayskoy voyny 1894) [“Francois Coppé” on the “yellow”: From the essays on the “yellow danger” (after the Japanese-Chinese war of 1894)]. *Sibirskiy vestnik*. 141. p. 2.
23. *Sibirskiy vestnik*. (1904) Frantsuz o Yaponii: (Iz Figaro) [A Frenchman about Japan: (From Figaro)]. 166. p. 3. Signature: Transl. of M.Ch. Charles Laurent.
24. Tsorn, N.A. (1905) Yaponskiy panmongolizm [Japanese pan-Mongolism]. Translated from French. *Sibirskaya zhizn'*. 14, 15. p. 2.
25. Loti, P. (1905) Stoyanka v Yaponii [Staying in Japan]. *Kievlyanin*. 16, 18–21. pp. 2.
26. *Sibirskiy vestnik*. (1905) Noch' v yaponskoy gostinitse. D-ra Maksimiliana Pfistera [Dr. Maximilian Pfister's night at a Japanese hotel]. Translated from German for SV by M–n. 70.
27. *Sibirskiy vestnik*. (1905) Smert' dvukh yaponskikh shpionov [The death of two Japanese spies]. Translated from Polish by M. D.–o. 91. p. 2.